

ВОДА, КОНФЛИКТЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ЭРИК СИВЕРС, научн. сотр. Центра Дэвиса по изучению России и Евразии Гарвардского университета, канд. юрид. наук Йельского университета, д-р истор. наук Массачусетского технологического института

Введение

Значимость Центральной Азии (ЦА) для региональной и глобальной безопасности общепризнана по целому ряду причин, из которых перечислим самые очевидные. Во-первых, этот исламский регион граничит с такими государствами, как Афганистан, Иран, Китай и Россия, и в силу этого влияет на выработку комплексной региональной политики этих государств. Во-вторых, он расположен в самом центре коридора распространения наркотиков, который может быть использован также для контрабанды оружия массового поражения. В-третьих, все эти страны как наследники советского военно-промышленного комплекса имеют технологию производства химического, ядерного и биологического оружия и к тому же владели частью или всеми перечисленными видами вооружения к моменту обретения независимости. В-четвертых, будучи богатым углеводородными природными ресурсами, регион мог бы быть альтернативой Ближнему Востоку в будущем.

Способность государств региона сдерживать угрозы их внутренней и внешней безопасности зависит от целого ряда факторов.

Из-за неурядиц переходного периода и сурового экономического кризиса, испытываемого большинством центральноазиатских государств, угрозы стабильности этих республик изнутри значительно выросли за последние годы.

Сепаратистские движения, этнические конфликты, иностранная помощь, недемократические олигархии, геополитическое маневрирование, глобальные потоки товара и капитала, энергетическая политика, религиозный фундаментализм являются лишь частью тех сил в регионе, которые влияют на внутреннюю стабильность. **Данная статья, тем не менее, рассматривает лишь роль воды и состояния окружающей среды в обострении конфликтов и тем самым дестабилизации внутри региона.**

Состояние окружающей среды и вода имеют особую важность в ЦА. Быстро усыхающее Аральское море, огромное хлопковое производство,

бескрайние пустыни и их ускоряющееся наступление, беспокойства по поводу питьевой воды - создают, казалось бы, непреодолимые проблемы.

Распад СССР в 1991 г. представлялся многим знаком надежды, что освобождение экосистем от извращенных методов государственного планирования приведет к ликвидации последствий постыдных экологических катастроф, большая часть которых произошла в ЦА. Однако эти надежды не оправдались.

Противоречия, связанные с водными ресурсами, приводят к выводу о том, что демократические режимы и региональная стабильность в ЦА не жизнеспособны до тех пор, пока заинтересованные государства не предпримут совместных шагов к решению постоянных водных проблем и других неотложных и спорных экологических вопросов.

Почему регион, все государства которого отреклись от СССР и подключились к мировому сообществу, тем не менее не смог почти повсеместно с пользой для дела употребить международное право как инструмент для развития необходимых реформ?

И, наконец, не только вода и экологические проблемы региона требуют внимания для того, чтобы понизить риск возникновения обусловленных ими конфликтов, но и иностранная помощь, и деятельность всевозможных агентств по развитию, также **нуждаются в критическом рассмотрении.**

1. Советская эра, породившая надежды перестройки

Несмотря на устойчивую на Западе одностороннюю оценку советского эксперимента как полную неудачу, необходимо признать, что доперестроечный Советский Союз представлял собой государство, которое производило и мобилизовывало огромные ресурсы, избежало некоторые социальные болезни индустриального Запада, подавило жестокие проявления этнических междоусобиц внутри государства и пользовалось поддержкой подавляющего большинства населения. СССР продемонстрировал уникальную смесь достижений и провалов, социальную и политическую систему, внешние стороны которой были как очень положительные, так и резко отрицательные.

А. Советская система развития промышленности и сельского хозяйства

Несмотря на тот факт, что до появления мировых морских перевозок регион располагался в центре торговли, процветания науки и технологий, тем не менее к началу прошлого столетия только что зародившийся промышленный сектор целиком держался на импорте из России, а население, которое в те времена составляло почти треть того, что имеется ныне, выказывало по любым меркам низкий уровень грамотности и благосостояния.

В сравнительно короткий срок новое советское государство ликвидировало исламские институты, исламскую веру и исламские школы, разделило граждан на этнические группы и распределило землю. Во втором десятилетии после революции попытка быстро осуществить коллективизацию в сельском хозяйстве привела к голоду, во время которого сотни тысяч погибли или бежали в пограничные районы Китая, Монголии, Ирана и Афганистана. Подобным же образом сталинские репрессии привели к массовому уничтожению как выдающихся местных лидеров, интеллектуалов, так и простого населения.

Несмотря на это регион продемонстрировал за отрезок времени с 1917 по 1991 г. потрясающее развитие. За два поколения ЦА по числу выпускников университетов и уровню грамотности встала в один ряд с Европой, а по уровню жизни и другим социальным показателям - почти на верхнюю ступень среди развивающихся государств. **В частности, жители ЦА имеют стандарты жизни, резко отличающиеся от уровня жизни их соотечественников, проживающих в пограничных зонах Китая, Афганистана и Ирана.**

Однако эти достижения имеют и обратную сторону - ограничительная социальная политика Советского Союза и тяжелый урон, нанесенный окружающей среде. Государство соорудило огромные каналы, вселило новые виды животных в озера и реки, построило водохранилища, поменяло русла рек, радикально расширило поливные площади и запустило в действие проекты по превращению пустынь в сады. Государство также понастроило сотни плотин, продолжало широко использовать ДДТ на сельскохозяйственных угодьях (даже во времена перестройки), заразило химикатами и загрязнителями водоразделы и изменило границы республик, основываясь на планах распределения воды, обусловленных конкурирующими экономическими целями.

Б. Экология, национализм и гласность

Советское экологическое движение, как и его американский собрат, выросло из широко развитого движения сторонников охраны окружающей среды в 70-е годы. Однако в то время, как американское движение быстро набрало силу, советское получило массовую поддержку только начиная с середины 80-х.

В ЦА экологическое движение среди простого народа стало возникать против местных проектов Реформа № 1/2003

строительства заводов. Со временем появились новые неправительственные организации (НПО), которые избрали своей целью водные проблемы, среди них большое количество в Казахстане, например, Движение в защиту Иртыша (Усть-Каменогорск), Комитет по спасению реки Кокчар-Ата (Чимкент), Жеты-Суу (Талды-Курган) и «Родничок» (Кызыл-Орда).

Пока перестройка набирала силу и усиливалась борьба между Москвой и лидерами национальных республик, появились экологические неправительственные НПО, которые выросли из республиканских структур власти. Эти группы, кроме обращения к относящимся к делу экологическим вопросам, обвиняли Москву как корень зла и первоисточник всех проблем, тем самым способствуя целям местных правительств и разжигая националистические чувства.

Самая известная из них - казахстанская «Невада-Семипалатинск» - насчитывало в своих рядах более миллиона членов и в 1990 г. эффективно содействовала закрытию Казахстанского испытательного полигона ядерного оружия. Многие другие же избрали водные проблемы как символ экологического национализма. В качестве примера приведем Казахстанский народный комитет по проблемам Арала и Балхаша, Кыргызстанский национальный комитет в защиту озера Ыссык-Куль, Каракалпакстанский союз в защиту Аральского моря и Амударьи, Узбекстанский комитет по спасению Арала.

Ко времени распада СССР экологические проблемы стали символизировать как проблемы коммунизма, так и проблемы национализма в ЦА. Вскоре после обретения независимости республики ЦА через односторонние декларации, заверения донорам и совместные заявления отrekliсь от советского наследия по водопользованию.

2. Напряженность в водных бассейнах ЦА

Низкое качество ирригации, возможно, является самой главной управленческой проблемой современной ЦА. А последствиями несоординированного использования ирригационных систем, - деградация почв и развал дренажных систем.

Проблема региона не в том, что не хватает водных ресурсов. Их запасы значительны на большей части территории. В Казахстане, к примеру, имеется более 85 тыс. рек и речек, причем 66 % его годового водного расхода, который составляет 100 км³ воды, формируется на территории самого Казахстана.

Повсеместно в ЦА ведутся рассуждения о ценности воды. В государственных лозунгах и популярных афоризмах капля воды стоит такого же количества золота. И ученые, и журналисты, и телепрограммы, и экологические группы - все призывают общество ценить воду. Историки, политики и политологи напоминают обществу о прямой связи между водой и конфликтом. В конце

концов, межгосударственные водотоки соединяют государства ЦА со всеми ее потенциально дестабилизирующими соседями (такими, как Россия, Китай, Иран и Афганистан). Тем не менее **парадоксом продолжает оставаться противоречие между всенародно распространенным убеждением в ценности воды и тем, как ничтожно мало делается для того, чтобы защитить водные ресурсы, очевидно подвергающиеся угрозам.**

В добавление к политическим диспутам между государствами относительно распределения воды, последовавший за независимостью экономический спад, способствовал снижению уровня промышленного использования некоторых рек и свел на нет инвестиции как в очистные сооружения и управление расходом воды, так и в содержание технических средств. Соответственно и уровень загрязненности вод по всему региону продолжает в общем оставаться высоким, так что муниципальное снабжение населения водой сейчас несет реальную угрозу инфекционных заболеваний, в то время как в 80-е годы эти болезни по всему региону были ликвидированы. А ведь это может стать еще одним источником волнений населения.

В самом деле, водные проблемы в ЦА не прибавляют региональной стабильности. Наоборот, они могут привести к открытому конфликту между государствами; или внутренне их ослабить.

А. Бассейн бывшего Аральского моря

Десять лет независимости Узбекистана не только не снизили напряженность в бассейне Аральского моря, напротив, обострили ее. Это стало очевидно еще в 2000 г. и продолжало оставаться таковым в 2001 г., как раз в то время, когда ЦА испытывала и продолжает испытывать необычный водный дефицит и засуху. Ссылки же на вину Москвы в происходящей трагедии, которые все еще звучат в бассейне Аральского моря, уже явно не состоятельны.

Обе реки (и Сырдарья, и Амударья) раньше несли свои воды в Аральское море, бывшее четвертым по величине озером в мире. Теперь оно не является ярким образом всей ЦА. Аральское море начало уменьшаться в размере в 60-е годы и больше не представляет собой одного целого. В 80-е годы часть моря, которая питалась Амударьей, отделилась от части, которая питалась Сырдарьей. Окончательно обе части моря разделила дамба построенная Казахстаном в 1997 г. Теперь между Большим и Малым Аралом простирается пустыня, загрязненная различными солями, оставшимися после высыхания моря. Исчезли все 24 вида рыбы Аральского моря.

Даже в течение последнего десятилетия независимости от 50 до 90 % воды, отведенной для орошения, никогда не достигали своего пункта назначения из-за плохо спланированных и сконструированных каналов, а также из-за исторической инерции мышления пользователей воды, всегда получавших ее бесплатно. На территории бывшего бассейна моря и выше вода для орошения вызволила соль из глубоких подземных

вод, уровень воды поднялся, а поля насквозь пропитались влагой. В Туркменистане 95 % орошаемых земель страдает от засоления почв. Около 30 % сельскохозяйственных угодий Казахстана либо засолены, либо чрезмерно пропитаны водой. В Таджикистане 16 % орошаемых земель страдают от той или иной степени засоленности.

Из-за изменения русел рек за последнее десятилетие появилось или увеличилось в размере несколько «новых» озер. Система озер Айдар-Арнасай длиной 300 и шириной 60 км появилась в Узбекистане после 1960 г. в результате чрезмерного орошения полей водами, отведенными от р. Сырдарья. Ее собрат амударьинского происхождения – озеро Сарыкамыш – находится на севере Туркменистана, как раз на границе с Узбекистаном, и занимает площадь несколько тысяч квадратных километров.

Сейчас, через десять лет после распада Советского Союза, имеется совсем немного доказательств для заявления, что независимость поможет восстановить Аральское море или улучшить экологические условия. До 1999 г. в Аральском бассейне выпало непривычно много осадков, в последующие годы вплоть до 2002 г. установилась засуха. К тому же, как последствия изменения климата, это может быть постоянным фактором уменьшения водности обеих рек – Сырдарья и Амударья.

И все же общество находится в состоянии ожидания того, что независимость поможет решить проблемы Арала. Это мнение поддерживается и местными политическими лидерами, и представителями Запада. С крушением перестроечных надежд в новом благоприятном свете переоцениваются когда-то отвергнутые советские планы. Например, во времена советской эры существовал проект перемены русла одной из сибирских рек в сторону бассейна Аральского моря для восполнения нехватки воды. Этот план в свое время подвергся жесточайшей критике чувствительного к экологическим проблемам общества, и был отправлен «в долгий ящик» как раз перед распадом СССР. Тем не менее этот план частенько упоминается, особенно со времени, когда специалисты поняли, что потребуются еще многие годы для возвращения Аральскому морю прежнего уровня, даже если все питающие его реки вновь повернут в сторону Арала.

Поддержка в 1995 г. российским официальным представителем плана поворота сибирских рек на конференции в Узбекистане по проблемам Арала до сих пор цитируется в регионе как доказательство российской преданности плану. К примеру, в 2001 г. высокопоставленный представитель водного министерства в Узбекистане заявил, что «Россия очень заинтересована во внедрении этого проекта, в благодарность за что мы будем снабжать Россию фруктами и овощами, которые для них являются редкостью. Некоторые из россиян до сих пор не видели ни винограда, ни дыни». А недавно и

Казахстан начал поддерживать когда-то отвергнутый проект.

Пока Аральское море было на прежнем уровне, оно являлось межграницным озером, находясь как на территории Казахстана, так и Узбекистана со всеми рисками координации усилий по обслуживанию совместного водного ресурса. Нынешнее состояние моря фактически работает на уменьшение риска конфликта. Так как ныне северная часть Арала целиком лежит на территории Казахстана, а южная – почти целиком на территории Узбекистана, то между этими государствами едва ли существует буферная зона.

1. Бассейн р.Амударья

Вдоль всей своей длины (2400 км) Амударья принимает форму границы, сначала как река Пяндж между Афганистаном и Таджикистаном, Афганистаном и Узбекистаном, Афганистаном и Туркменистаном, затем как собственно Амударья между Узбекистаном и Туркменистаном. Когда она достигает моря, то впадает в южный Большой Арал. Прибрежными государствами Амударья являются Афганистан, Иран, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Кыргызстан, хотя последний таковым обычно не признается. Основными притоками реки являются Пяндж, Сукхандарья и Вахш. Туркменистан и Узбекистан относятся к главным пользователям водных ресурсов бассейна, хотя и вносят наименьший вклад в уровень воды.

Если Афганистан стабилизируется и экономика Северного Афганистана начнет во все больших масштабах использовать воды бассейна, что исторически составляло только шестую часть от 6 %, которые притоки вносили в течение реки, то это может привести к конфликтам с прибрежными странами, лежащими ниже по течению реки, ведь они испытывают большой недостаток воды. И Таджикистану, когда он оправится от последствий гражданской войны, тоже по всей вероятности потребуется все возрастающее количество воды из бассейна реки.

И все же наибольшая напряженность относительно Амударьи существует между Узбекистаном и Туркменистаном. Всевозможные слухи о мелкомасштабной секретной войне из-за водных ресурсов реки по большому счету бездоказательны, но они по меньшей мере не способствуют ослаблению закипающего напряжения между этими двумя странами. Более того, нет никаких сомнений в том, что эта напряженность усиливается. В 1999 г. Туркменистан объявил о плане создания искусственного озера в пустыне Кара-Кум посредством строительства огромного сооружения, отводящего воду из Амударьи. Если проект будет осуществлен согласно плану, то будет сделан самый большой в регионе отвод воды из бассейна, а создавшееся озеро будет занимать территорию 2 тыс. км², что примерно в 4 раза больше площади орошаемых земель в Туркменистане.

Строительство этого «золотого озера» идет быстрыми темпами. Уже к лету 2000 г. уровень воды в Амударье дальше по течению заметно снизился, что продолжалось и в 2001 г. В Каракалпакистане, где находится устье реки, дефицит воды оказался настолько суровым, что в 2000 г. 45 % урожая было потеряно. В 2001 г. все увеличивающееся число жителей Каракалпакистана и Хорезмской области страдало от нехватки воды для орошения и питья, в результате чего большие группы людей пытались выехать в соседние регионы Казахстана и Туркменистана.

Совершенно очевидно, что действия Туркменистана ухудшают и без того безвыходную ситуацию в бассейне. Риск не только в том, что две страны находятся в состоянии конфликта, но и в том, что в странах, расположенных дальше по течению реки, ситуация настолько обостряется, что уже появились экологические беженцы, пересекающие границы.

И, наконец, в бассейне Амударьи существует уникальная природная угроза в форме огромной и нестабильной естественной плотины в горах Памира. В 1911 г. землетрясение, которое было в 50 раз сильнее, чем недавнее (в 1999 г.) в Турции, вызвало откол и падение огромного куска хребта Музкол объемом 2,2 км³, что перекрыло Мургабскую долину в Таджикистане по всей ширине и создало озеро Сарез. Эксперты этого региона предупреждают, что эта естественная плотина слабеет под напором воды, которая может прорваться и 17 млн.м³ освобожденной воды ринется в Пяндж, подвергая угрозе жизни миллионов людей.

2. Бассейн р. Сырдарья

Сырдарья имеет длину 2 5 тыс.км и протекает через Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Казахстан, а ее основными притоками являются реки Нарын, Карадарья, Келес и Чирчик. В те годы, когда река достигала своего устья, она вливалась свои воды в Северный или Малый Арал. Эта река даже еще более зарегулирована, чем Амударья со своими гидроэлектрическими станциями, огромными водохранилищами и каналами.

Советский Союз построил огромную Токтогульскую гидроэлектростанцию на р. Нарын/Сырдарья в Кыргызстане, которая является первой ступенью в комплексе регулирующих воду технических сооружений. Воды, выпущенные из Токтогула, текут через Таджикистан и Узбекистан, а также огромное количество водохранилищ с плотинами, пока река не достигнет Казахстана.

В настоящий момент Токтогул является «яблоком раздора» между Кыргызстаном и государствами, находящимися ниже по течению реки. Когда гидротехническое сооружение было построено в 1970 г., его первоначальной задачей было помогать орошению. В то время энергетические нужды Кыргызской ССР восполнялись за счет импорта из соседних республик. Со времени обретения независимости эти соседи стали требовать плату за

поставляемый импорт горючих полезных ископаемых, в то время как Кыргызстан в одностороннем порядке представил соседям годовой счет в размере 25 млн.долл.США на содержание Токтогула – самого большого искусственного водоема в бассейне Аральского моря - и его инфраструктуры. **Имея независимость и импорт, который нужно оплачивать в твердой валюте, Кыргызстан все больше смотрит на Токтогул не как на средство помощи орошению трех соседних республик, а как на средство удовлетворения энергетических нужд самого Кыргызстана. Соответствующим образом и отпуск излишней воды он проводит в связи с нуждами гидроэнергетики.**

Кыргызстан предпочитает выпускать воду из водохранилища в течение зимы, чтобы обеспечивать страну теплом и другими необходимыми в зимний сезон атрибутами. С другой стороны, Казахстан и Узбекистан надеются получать воду для орошения хлопковых полей в летнее время. Более того, Казахстан планирует восполнить водами Сырдарьи Малый Арал в надежде превратить последний в экономически выгодный рыболовецкий район. Казахстан уже подписал заем в 64,5 млн.долл.США с Мировым банком для внедрения первой ступени проекта «Контроль над уровнем Сырдарьи и Северным Аральским морем» в 2001 г.

Начиная с 1995 г. прибрежные сырдарьинские государства заключили ряд договоров о водопользовании, чему в какой-то мере способствовала программа технической помощи, спонсируемая американским фондом и предназначенная для обеспечения всеохватывающего распределения воды в бассейне реки. Тем не менее кругозор этих соглашений был очень ограничен и они заметно обострили напряженность между прибрежными государствами, особенно если принять во внимание недавнюю засуху в ЦА.

Например, эти соглашения должны были обеспечить стабильность сельского хозяйства Казахстана, но они не смогли предотвратить потерю 20 % урожая хлопка в 2000 г. главными южными сельскохозяйственными районами из-за недостатка поливной воды. Они также не смогли обеспечить этому региону в сезоне 2001 г. даже уровень воды 2000 г.

Нынешний режим Сырдарьи таков, что он требует от прибрежных государств каждый год подписывать новое соглашение о распределении воды. Очень часто, как это было в 2001 г., оба государства не в состоянии прийти к взаимному соглашению к началу поливного периода, или сохранять условия договора в течение орошения (с 1 апреля по 1 октября) или, напротив, в сезон отопления (с 1 октября по 1 апреля).

Таким образом, в бассейне р. Сырдарья риск возникновения конфликта между прибрежными государствами лежит в чрезмерном использовании водных ресурсов. Более того, желаемая альтернатива использования ресурсов бассейна и необходимость

балансирования между противоборствующими энергетикой и орошением обостряют риск конфликта.

Поскольку в бассейне Сырдарьи расположена Ферганская долина, наиболее склонная в современной ЦА к проявлениям этнических столкновений, этот регион может представить собой особый случай в конфликтах. **Природа конфликта между Туркменистаном и Узбекистаном относительно Амударьи лежит, в основном, на противоборстве правительств. Напротив, в Ферганской долине государства, вовлеченные в конфликт, не могут влиять эффективно на реакцию своих граждан, не могут принудить всех своих граждан быть лояльными или выражать озабоченность титульной нации. По этой причине водные конфликты в бассейне Сырдарьи представляют собой наибольшую вероятность возникновения спонтанного этнического насилия в ЦА, идущего не от правительства.**

Б. Бассейны рек на китайской границе

КНР граничит с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. В пограничных районах Китая проживают казахи, кыргызы и таджики. К тому же Китай озабочен, что панисламистские и пантюркистские движения могут пустить корни в Западном Китае и привести к более энергичным действиям, чтобы добиться независимости со стороны уйгуров - исламского населения провинции Синьцзян, говорящего на тюркском языке. Развитие Западного Китая, контроль над центральноазиатскими народами в пределах своих границ, стабильные отношения с государствами ЦА являются приоритетами Китая, которые идут вразрез с политикой Китая в области межгосударственных водотоков.

Межгосударственные водотоки, которые в данной статье не рассматриваются особо и которые Китай делит с Кыргызстаном и Таджикистаном, не выглядят так драматично, как с Казахстаном, но они тоже могут быть поводом для возможных конфликтов в масштабе, гораздо более мелком, чем те, что описываются ниже, тем не менее они тоже поднимают ряд проблем, аналогичных тем, что возникают с р. Иртыш и р. Или в Казахстане или целым рядом более мелких межгосударственных рек, текущих в пределах Казахстана и Китая.

Река Иртыш, занимающая пятое место в мире по длине, является в Азии самой протяженной и крупной по размерам своего бассейна, который приблизительно равен площади, занимаемой Индией. Река Черный Иртыш берет свое начало по большей части в Монголии, протекает через Западный Китай и впадает в озеро Зайсан в Казахстане, затем возникает на другой стороне озера уже в виде собственно Иртыша, формирует важный Казахстанский промышленный район и затем соединяется с р. Обь в России, чтобы течь дальше, на север, к арктическим морям Ледовитого океана. В 90-е годы Китай начал строить канал, чтобы отвести значительную часть вод Иртыша для Карамайских нефтяных районов в Синьцзяне, а также обеспечить необходимым

количеством воды промышленное и сельскохозяйственное развитие Западного Китая, чему придается большое значение в десятой китайской пятилетке.

Еще задолго до строительства этого канала, водное снабжение в бассейне Иртыша в Казахстане вызывало тревогу. За время советской эры, при выполнении десятого пятилетнего плана развития экономики, был построен в Казахстане самый большой в Евразии канал длиной несколько сотен километров для отвода воды из р. Иртыш в Караганду – второй по величине город в республике. Из-за того, что этот канал обеспечивал водой многие казахстанские плавильни и заводы, а также потому, что вода его притоков использовалась, соответственно, для тех же целей, Иртыш стал одной из самых загрязненных рек в Евразии. Более того, с тех пор, как приход воды из Китая в Казахстан за последние десятилетия снизился, страна начала испытывать трудности в деятельности нескольких гидроэлектрических сооружений на Иртыше (которые играют важную роль в энергетической сети Восточного Казахстана) и портов (которые играют значительную роль в речном торговом судоходном обмене между Россией и Казахстаном).

Хотя все последствия китайского отвода воды с Иртыша еще много лет не будут ощущаться в Казахстане, ситуация вокруг Иртыша уже стала критической. Казахское правительство запланировало использовать канал Иртыш – Караганда для снабжения водой новой столицы – Астаны. Но этот план более не выглядит осуществимым. Более того, недавняя цепочка аварий на Павлодарском химическом комбинате создала ртутный дым, который, как ожидают, достигнет Иртыша в течение нескольких лет, если несколько миллионов долларов не будет выделено на очистительные мероприятия.

Река Или так же, как и Иртыш, втекает на территорию Казахстана из Китая, но, как и большинство других нескольких дюжин межгосударственных рек, текущих между двумя странами, заканчивает свой путь внутри Казахстана, впадая в озеро Балхаш (которое входит в двадцатку самых крупных озер на планете). Поскольку Или берет, как и остальные реки, свое начало в Китае, а последний имеет свои планы насчет отвода вод для развития добычи топлива в Западной Азии, это опять представляет собой угрозу бассейну Или в Казахстане.

В течение советского периода Казахстан построил на р. Или гидроэлектрическую станцию, что привело, во-первых, к созданию водохранилища Капчагай (курортный район неподалеку от старой столицы Алматы), во-вторых, понизило уровень воды в озере Балхаш (важном рыболовецком центре). Хотя советские планировщики, в конце концов, и снизили уровень воды на Капчагае для спасения озера Балхаш, в то же время Китай отвел часть воды Или на оросительные цели в 60-е годы, что привело к усложнению ситуации и потере способности судоходства на реке.

Реформа № 1/2003

Даже и без риска понизить водность р. Или будущее озера Балхаш выглядит очень неопределенно. Почти все эндемические и промысловые виды рыбы, включая карпа и окуня, которые обитали в озере в начале прошлого XX в., были почти полностью истреблены после внедрения в озеро менее промышленно ценных хищных видов, таких, как щука, в советский период.

Политика Казахстана в отношениях с Китаем – не входить в конфронтацию по поводу отвода вод. Похоже, эта политика будет продолжаться, что приведет по меньшей мере к ухудшению условий в Казахстане. Поскольку проведение региональной политики важно для Казахстана и поскольку бассейн Иртыша относится к части страны, которая внутренне больше связана с Россией, чем с Казахстаном, опасность возникновения международного конфликта по поводу отвода вод не обязательна, что скорее угрожает подорвать контроль и авторитет правительства Казахстана в северных регионах, тем самым компрометируя способность Казахстана как суверенного государства обеспечивать стабильность в пределах своей территории.

В. Потенциальные конфликты в бассейнах других рек

Итак, центральный довод статьи заключается в том, что конфликты вокруг водных ресурсов в ЦА не приведут к баталиям между странами. Они опасны постольку, поскольку опасно уменьшение их потенциала как индивидуальных суверенных государств внутри всего региона, что делает их уязвимыми перед наркоторговцами, террористическими лагерями, не способными подавлять внутренние конфликты, которые могут перекинуться на соседние страны.

Целостность важных внутренних водных объектов также представляет интерес при обзоре водных конфликтов в ЦА. Возможно, лучшим примером может служить в этом отношении озеро Ысык-Куль в Кыргызстане – четвертое по глубине озеро в мире. Ысык-Куль настолько глубок и содержит такое большое количество воды, что в советское время его использовали как полигон для военных подводных лодок. Региональный центр отдыха и до недавних времен центр рыбной ловли, это высокогорное озеро сейчас является как ключевым компонентом экономики, так и символом государства.

Во времена перестройки Национальный комитет по защите озера Ысык-Куль помог протолкнуть инициативу, запрещающую транспортировку нефтепродуктов по озеру, и другие меры по улучшению безопасности транспортных перевозок по воде. Совсем недавно экологические НПО и иностранные природоохранные организации, в особенности германский NABU, помогли создать Биосферный заповедник озера Ысык-Куль.

С другой стороны, постсоветский период не был

таким уж гладким. 20 мая 1998 г. грузовик, перевозящий 20 т цианида натрия, перевернулся через мост в Кыргызстане, утопив 1760 кг химикатов в р. Барскоон, которая впадает в Ысык-Куль. Несколько смертей в соседней деревне и мертвая рыба на одном участке озера, приписанные этому происшествию, несмотря на громогласную истерику всех политических группировок, НПО, иностранной прессы, возможно, и не были вызваны действием цианидов если принять во внимание течение реки и необъятную глубину озера.

3. Влияние международного права и международных институтов

Может ли международное право положительно влиять на решение проблем водных ресурсов? Могут ли международные институты облегчить этот процесс? По моим наблюдениям над процессами в регионе за последнее десятилетие, этого не происходит.

На заре независимости международное право и международные институты получали большое удовлетворение от значительного их влияния в ЦА. Это влияние отражало умонастроения в сторону успешных образцов международных институтов. Колебания умонастроения основывались на немаловажном факте, что народ, отрицая Советский Союз, имел в то же время идеализированное представление о Западе, и совсем немного соприкасался с тем, как он работает и **со степенью сопротивления развитых стран международным институтам и праву.**

Это широко распространенное предположение, что «трава там зеленее», не было эмпирически полностью корректным. Во-первых, это популярное представление в ЦА, особенно в ранние 90-е годы, что Запад во всех смыслах лучше, чем СССР. Во-вторых, это неверное предположение, что «у нас все не так, как надо», вытекавшее из все увеличивавшегося представления о советском режиме, как основанном не на законе. Те, кто думали в таком ключе, безоговорочно принимали западную и американскую риторику о верховенстве закона, которую громко преподносили западные и особенно американские политики и всевозможные организации по развитию всем республикам во времена поздней перестройки и ранней независимости, и что западные страны предоставляют международным законам неограниченные полномочия при определении внешней и внутренней политики. То, что ЦА так неверно представляла себе отношения между США и международным правом и международными институтами, представляется одной из главных ироний распада СССР.

По мере того, как регион приобретал международный опыт, это фальшивое представление о роли международного права на мировой сцене начало бледнеть. Заметно, что практически все местные профессионалы в природоохранной области

отбросили эти свои идеалистические представления уже после нескольких лет непосредственного контакта с Организацией Объединенных Наций и другими международными донорами и агентствами по развитию. Более того, **я делаю вывод, что западные организации по развитию страдают от организационных патологий, не так уж сильно отличающихся от тех советских, которые уже канули в Лету.**

Эта точка зрения не для извинения перед социализмом, а для объяснения, что всегда существует риск взрастить бюрократию при отсутствии должного контроля и подотчетности, которая рядится в гуманистические одежды, прячет свои политические цели и хватается за идеологическую систему, оказавшуюся под рукой. Это также мой комментарий по деятельности экспертов по развитию. Многие местные профессионалы поняли, что во многих основных человеческих качествах западные эксперты могут оказаться слабее, чем советские коллеги, особенно в технических сферах.

Эта эрозия в массовом представлении образа международных организаций как морально высоких, безупречных и эффективных институтов совпадает по времени со все большим внедрением центральноазиатских государств в режим работы международных природозащитных проектов. Охрана окружающей среды в ЦА, даже по вопросам, не выходящим за пределы страны, все крепче и крепче привязывается к международным режимам, институтам и донорам. Почти что нет природозащитных программ или попыток, которые бы целиком были национальными по характеру. И в самом деле, те центральноазиатские официальные представители природоохранных агентств и программы, которые не имеют международных связей и международных фондов, являются самыми слабыми и недовольными во всем регионе.

А. Международное право

Новые независимые центральноазиатские государства активно вступают в многосторонние природозащитные соглашения и активно ратифицируют новые. В среднем по региону каждое государство каждый год вступает хотя бы в одну значительную природоохранную конвенцию. В то время, как все пять стран являются полноправными участниками Конвенции о биологическом разнообразии, Конвенции по борьбе с опустыниванием целого ряда конвенций ООН об изменении климата, никто не проявляет энтузиазма по отношению к конвенциям по воде. Лишь Казахстан вступил в Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.

К сожалению, регион более не собирается стать пионером в значимом региональном международном юридическом соглашении по водным ресурсам. Совершенно нет соглашений, которые бы направляли действия государства. Возможно, Сырдарьинское

соглашение на 1998-2003 гг., и направлено на эти цели. **Однако оно больше напоминает пережиток Минводхоза - бывшего советского союзного министерства по водному хозяйству, которое брало под свою юрисдикцию всю ЦА, чем пример, с которым новые независимые государства стремятся наладить сотрудничество для решения совместных юридических и технических вопросов.**

В результате практика ЦА государств противоречит устремлениям международного права по трансграничным водотокам, которое требует от прибрежных государств не только принимать юридические соглашения по совместному использованию водных ресурсов, но и создавать «совместный механизм управления» или «совместный орган» по каждому важному водному пространству (в дальнейшем – «совместный институт»). **С предоставлением ему значительной автономии в целях повышения эффективности.**

На самом деле существует большое число соответствующих водных соглашений по всем конкретным межгосударственным водным объектам, рассматриваемым в данной статье, и даже несколько совместных институтов. В 1986 г. Минводхоз создал бассейновые водохозяйственные объединения (БВО) для Амударьи и Сырдарьи, и они сохранились как совместные институты, пережив все пертурбации, и расположены по-прежнему в Узбекистане. Также в 1992 г. Казахстан и Россия (без участия Китая) заключили соглашение по совместному использованию и охране межгосударственных водотоков, в которые входит и р. Иртыш. Тем не менее, как это будет видно из дальнейшего рассмотрения, в последний период ни для Арала, ни для Каспия ни для бассейна Иртыша эти примеры не характерны и не эффективны.

С распадом СССР центральноазиатские государства заключили пятистороннее соглашение, сохранили действовавшую в советский период водную политику и распределение воды, чтобы избежать краткосрочных перерывов. По этому соглашению остались в силе БВО и была организована Международная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК). За первоначальным решением сохранить советское статус-кво последовал ряд заявлений, сделанных государствами о водных реформах, включая Ташкентское решение глав государств 1993 г. о создании фонда Аральского моря, Кызылординское соглашение 1993 г. о создании международного фонда Аральского моря, Нукусскую декларацию 1995 г., обязывающую все государства исполнять все водные соглашения между ними, Алма-атинскую декларацию 1997 г., обязывающую государства разработать международную конвенцию по устойчивому развитию бассейна Аральского моря, Ашхабадскую декларацию 1999 г., призывающую международное внимание к региону.

Помимо этих туманных региональных соглашений существуют также договоры, заключенные начиная с 1995 г. и позже, по конкретным рекам, особенно по Сырдарье. Эти Реформа № 1/2003

последние заключаются чуть ли не ежегодно между государствами, делящими бассейн Сырдарьи, по распределению воды и энергии так же, как Сырдарьинское комплексное соглашение на 1998-2003 гг., которое претендует на установление в государствах «общего желания найти полное законченное и справедливое решение по использованию водных и энергетических ресурсов бассейна р. Сырдарья в соответствии с нормами международного права». Все эти соглашения включают попытки сбалансировать энергетические нужды стран, находящихся выше по течению, и водные нужды стран, находящихся ниже по течению реки.

Хотя Сырдарьинские соглашения привели к более открытому диалогу, тем не менее они не ликвидировали конфликт в корне. Публичные обвинения в нарушении соглашения являются самыми частыми в диспутах между подписавшими их странами. По мнению автора, эти соглашения, хотя и не оказались достаточно эффективными, но и не ухудшили ситуацию в регионе. Скорее они сфокусировали внимание на серьезности всех разногласий между государствами и вынудили их более полно осознать сложность всех проблем по распределению воды. Таким образом, **краткосрочная напряженность между государствами может оказаться тем обстоятельством, которое убедит их в необходимости решить спорные вопросы, которые в противном случае могут вспыхнуть долгосрочным открытым и неуправляемым конфликтом.**

И все-таки Сырдарьинские соглашения, предлагающие мобилизовать политическую волю для решения водных проблем, при ближайшем рассмотрении оказываются скорее жестом, придуманным для привлечения внимания стран-доноров. В том случае, когда доноры не предлагают финансовой помощи, становится очевидной поверхностная природа этих жестов. Например, когда Нукусская декларация не смогла найти несколько десятков тысяч долларов для проекта, государства не удосужились даже создать набросок так долго обещанного соглашения.

В противоположность этому, значительные суммы были собраны для Каспийского соглашения. В марте 2000 г. Казахстан и Туркменистан представили окончательно принятый вариант Договора по охране водной среды в Каспийском море. Но как всегда и это оказалось неудовлетворительным. Так же, как и с Сырдарьинским пакетным соглашением, постсоветские государства вступили в полуформальное соглашение на 90-е годы по распределению квоты ловли осетровых в Каспийском море. Хотя эти квоты были необходимыми и разумными, они тоже оказались неэффективными из-за безудержного браконьерства во всех постсоветских республиках, частенько поддерживаемого государственными интересами.

Подобным же образом Казахстан подготовил проект соглашения по межгосударственным водотокам на подпись китайской стороне, но он

оказался полностью безуспешным и в попытке принудить Китай рассмотреть договор, и в попытке привлечь поддержку со стороны мирового сообщества для оказания давления на Китай, и в попытке скоординировать доводы, основанные на международном праве, объяснить международным и внутренним аудиториям, как Китай нарушает права Казахстана.

И в самом деле, ни одно из государств региона, за исключением разве что Узбекистана, не проявило поддержки положений по воде, основанных на международных договорах и действующем международном праве. Самым последним подтверждением сказанному являются дебаты вокруг Закона КР о межгосударственном использовании водных ресурсов от 2001 г. Этот Закон объявляет Кыргызстан «одним из главных источников воды в страны ЦА». Затем он заявляет, что политика Кыргызстана в отношении межгосударственных вод исходит из предположения, что эти воды являются собственностью Кыргызстана, что она является товаром с рыночной стоимостью, что продажа воды должна быть основана на мировых ценах и что Кыргызстан имеет право на компенсации со стороны других государств региона за те потери и расходы, которые испытывает при использовании водных сооружений.

Сторонники Кыргызстана заявляют, что ничто из вышесказанного не противоречит международному праву и что предъявление счета за межгосударственную воду является мировой нормой, и, если считать по мировым ценам, то Кыргызстан в настоящее время экспортирует воду в Китай и страны ЦА за год на сумму 350 млн. долл. В ответ на это Узбекистан обвиняет Кыргызстан в проведении «нелегального бизнеса», поскольку Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. предполагает, что вода не может продаваться. Соответственно, он утверждает, что изменение Кыргызстаном режима вод, введенного в советский период, нанесло ущерб прибрежным государствам, находящимся ниже по течению, на сумму 770 млн. долл. за наводнения и засоление почв.

Всего лишь несколько месяцев спустя Узбекистан заявил, что февральский выброс воды из Токтогула поднял уровень р. Нарын (Сырдарья) на 8 м, что снесло примерно 8 км предохранительных плотин и тем самым нанесло ущерб на сумму 800 млн. долл.

Далее, в ответ на критику Закона со стороны казахстанского президента Нурсултана Назарбаева бывший лидер Киргизской ССР Турдакун Усубалиев, а ныне депутат парламента, опубликовал открытое письмо, которое показало оригинальное понимание кыргызскими законодателями международного права. Из этого письма и других риторических изданий, выпущенных в Бишкеке, становится понятно, что Кыргызстан не берет в расчет существующую практику, отрицательное влияние на страны, находящиеся ниже по течению реки, важнейшие человеческие права этих государств, хотя обычное

право и основные конвенции по международным водотокам берут это все в расчет в первую очередь.

Бишкек также заявляет о своем праве не давать воду странам, лежащим ниже по течению реки в том случае, когда они не платят за воду, что обычно рассматривается как нарушение международного права трансграничных водотоков. Согласно современным конвенциям по международным водным ресурсам и, возможно, также международному обычному праву, государство, находящееся выше по течению реки, не обладает правом предпринимать в одностороннем порядке действия по изменению уровня воды, которые могут нанести ущерб или значительно повлиять на существующее водопользование странами, лежащими ниже по течению, без по крайней мере предварительного предупреждения, консультаций или заявления об угрозе окружающей среде.

Даже если не брать во внимание положения международного права трансграничных водотоков, заявления Бишкека противоречат обязательствам по действующим Сырдарьинским соглашениям, по которым Бишкек обязался нести все расходы по поддержанию плотин на своей территории, признал, что энергетические ресурсы не даются бесплатно и по установленной практике отказался от довода, что страны, находящиеся ниже по течению, не должны страдать от удерживания воды в Токтогуле.

И все-таки вышесказанное ни в коей мере не предполагает, что у Бишкека нет своих аргументов. Действительно, в то время как ключевым принципом международного права по межгосударственным водотокам является справедливое использование водных ресурсов, Кыргызстан еще не выстроил свои доводы ясно, недвусмысленно или напористо вокруг этого принципа. Кто-то может предположить, что советский режим распределения вод и энергетического обмена был справедливым. Если смотреть через такие линзы, то не Кыргызстан, а именно нижележащие государства являются теми силами, что идут против справедливости в бассейне Сырдарьи.

Государства ЦА пока могут создавать разнообразные соглашения, договоры и декларации, чтобы продемонстрировать свою приверженность водным реформам, но они не могут мобилизовать политическую волю или сотрудничество, которые эти бумаги предусматривают. В течение десяти лет независимости государства ЦА только символически дистанцировались от советской модели водопользования, только поверхностно стремятся к региональной интеграции и верному сотрудничеству и совсем не рассматривают, кто имеет право заниматься или накладывать вето на неизбежные в будущем большие проекты по водным ресурсам в регионе. Тем самым они не уменьшают риска возникновения серьезных водных конфликтов.

Б. Международные институты

Международное сообщество пытается разрешить аральский кризис посредством дюжины проектов, спонсируемых донорами разных стран, международными агентствами и частными фондами. С первых дней независимости Всемирный банк (ВБ), Программа развития ООН (ПРООН), Европейская программа технической помощи странам СНГ (ТАСИС), Американское агентство по международному развитию (ЮСАИД) возглавили движение международного сообщества за разрешение аральского кризиса. Они убедили государства ЦА основать юридически обязательную структуру для распределения прав по водным ресурсам среди сопредельных государств Амударьи и Сырдарьи.

Отринув планы поворота сибирских рек, Мировой банк и ЮСАИД активно поддерживали программу помощи Аральскому морю в 1 млрд. долл. Этот план так и не был реализован, на его место встала Программа бассейна Аральского моря в 1 млн. долл. Глобальная служба по окружающей среде (GEF) выделила фонды под проект по Аральскому морю (AralGEF). Этот проект предусматривал на месте гибнущего моря создать в Узбекистане и Казахстане жизнеспособные рыбные пруды посредством восстановления сравнительно небольшого впадения воды в прежнее место моря благодаря повышению эффективности орошения и сокращению отвода воды.

Спонсирует этот проект Международный фонд по Аральскому морю (IFAS), который был создан пятью государствами региона. Как и все другие проекты, и этот не был успешным. ВБ даже заметил, что с тех пор, как его штаб переехал в Ашхабад (Туркменистан) в 1999 г., он практически перестал работать.

Проект ПРООН по реабилитации Аральского побережья и развитию потенциала начал свою работу в апреле 1997 г., благодаря которому 16 тыс. жителей Каракалпакии были обеспечены чистой питьевой водой, посажены тысячи деревьев, которые не пережили местного климата и все погибли. Хотя чрезмерно дорогие и неудачные, но эти проекты ПРООН являются самым заметным успехом в регионе.

Разрекламированный как проект ISAF, AralGEF, по сути, является почти целиком узбекским. К концу 2000 г. даже ВБ признал его скомпрометированным узбекским центризмом. К моменту его представления один только Узбекистан был участником GEF. Поскольку каждое государство получает финансирование под этот проект, то ни одно из них активно не протестует против денег, но к 1999 г. ни правительство Таджикистана, ни таджикский директор этого проекта не могли объяснить, когда, где и каким образом Таджикистан согласился на этот проект.

Симптоматично, что только один Узбекистан получает половину гранта, предназначенного для пилотного восстановления прибрежных районов Северного Узбекистана. Озеро Судоке по этому проекту будет усовершенствовано и станет первым такого рода Рамсар-объектом в Узбекистане.

Для реализации проекта AralGEF ВБ Реформа № 1/2003

предусматривает, что сельскохозяйственный отвод воды из Амударьи будет почти полностью прекращен. Расчеты показывают, что в Узбекистане для установления высокоэффективной капельной установки для орошения в сельской местности потребуется 100 млн. долл., в то время как поворот одной сибирской реки стоит только одну пятую часть этой суммы. Более того, за те десятилетия, что вода отводилась из бассейна Амударьи на оросительные нужды, она накапливалась, образовывала огромные озера, которые в настоящее время поддерживают местное сельское хозяйство, места для рыбной ловли, зоны отдыха и среду обитания разнообразных животных. ПРООН пытается номинировать одно из таких озер (Денгиз-Куль) как первый узбекский Рамсар-объект, поскольку озеро является важным местом обитания перелетных птиц, которые в прежние времена использовали Аральское море. По проектам Мирового банка, и Денгиз-Куль, и другие подобные озера, в конце концов, исчезнут.

Каспийская программа по окружающей среде, с фондами от GEF и ТАСИС, прошла стадии, подобные стадиям программ по Аральскому морю. Она открыла дюжину офисов и выдала дюжину отчетов, но не привела к осязаемым реформам. Соответственно, никакой внушительный институт и никакая донорская помощь не стояли за движением лета 2001 г., которое привело к мораторию на лов осетровых в постсоветских прикаспийских государствах. Вернее, TRAFFIC и некоторые небольшие европейские НПО, которые занимаются вопросами дикой природы, связались с учеными и НПО всех прибрежных государств и за несколько тысяч долларов задокументировали размах браконьерства в регионе. Основываясь частично на материалах этих исследований, правление совета CITES, который получал взносы за вступление от прибрежных стран (а не давал какую-либо помощь), предприняло шаги. Что же касается рек Иртыш и Или, то страны-доноры, очевидно, даже не заметили их как источники спорных вопросов по воде в этом регионе.

К сожалению, коренные природозащитные НПО не обеспечивают контрмерами провалившиеся региональные программы. Подобные НПО являлись активной и влиятельной частью эффективного общественного движения протеста эры перестройки, вот почему неэффективность нынешнего движения вызывает такое разочарование. И если во времена перестройки общественная активность и избиратели двигали природозащитное движение, то во времена независимости оно сконцентрировалось на бюрократии доноров и донорских деньгах, видя только в них мотор всего движения. Соответствующим образом группы с навыками говорения по-английски, неконфронтационным подходом и умением писать заявления на получение грантов заслонили группы, которые хотят действовать и имеют конкретные предложения.

То, что экологическая помощь в ЦА носит скорее символический, чем существенный характер, является очень печальным фактом. Например, в статье 2001 г., обращенной к общественности Кыргызстана, все, что

хорошо оплачиваемый представитель AralGEF в Кыргызстане по связи с общественностью мог сообщить как успехи, представляло собой 177 телевизионных программ на не более чем 3000 минут эфирного времени и сотню публикаций, поощряющих охрану природы. За два года своей деятельности из четырех запланированных лет AralGEF уже отстал на один год от графика, по большей части от того, что страны ЦА не смогли ни административно, ни финансово поддержать его.

Доноры, похоже, более склонны к бумажным отчетам, чем к значимым реформам. Мировой банк, ПРООН, ТАСИС спонсируют разнообразные попытки создания национальных и активных региональных планов по общей охране природы и специфическим экологическим проблемам. Частично

привлекательность NEAP – планов национальных действий по охране окружающей среды – заключается в том, что они просто планы. Они не требуют никаких действий, за исключением собирания нужных бумаг, и они воскрешают риторику плановой экономики, которая так знакома бюрократам всего региона. Нигде еще в регионе NEAP значимо не внедрился.

Таким образом, самый интересный аспект NEAP заключается в том, что он основывается, скорее, на планах, чем на рынке, иерархичен и держится за идею, что только иностранные субсидии приведут к осуществлению проекта. Совсем немногие, похоже, замечают, что все эти фундаментальные положения, которые персонал доноров поддерживает, по существу, противоречат главным целям Запада, озвученным всеми донорами, а именно: помогать центральноазиатским странам отойти от плановой экономики, зависящей от внешних субсидий, чтобы осуществить значимую децентрализацию и принять рыночную экономику.

Заключение

Хорошей новостью является то, что страны ЦА приняли многосторонние конвенции по окружающей среде и сделали хороший задел, чтобы решить давнишние водные противоречия. Действительно, в начале 2002 г. казахстанские законодатели ратифицировали договор, устанавливающий режим с Кыргызстаном, в котором Казахстан будет платить Кыргызстану несколько сотен тысяч долларов ежегодно, чтобы покрыть расходы на содержание технических сооружений, регулирующих воду на экономически важных реках Талас и Чу, которые вытекают из Кыргызстана в Казахстан и не находятся в бассейне Аральского моря. Днем ранее Таджикистан и Узбекистан подписали Договор о сотрудничестве по рациональному использованию водно-энергетических ресурсов в 2002 г. Эти достижения укрепляют веру в обещание стран ЦА мировому сообществу, что они заключат обязывающие договоры по управлению бассейнами Аральского и Каспийского морей в ближайшем будущем.

За обращенными к общественности реформами стоит, по сути, советское управление водными ресурсами, которое ведет к ухудшению состояния всех или почти всех критических бассейнов региона. Возможно, поэтому на праздновании десятой годовщины МКВК представители всех государств сочли необходимым подчеркнуть, что фундаментальной задачей этой организации, является сохранение стабильности в регионе.

За примелькавшимися проблемами вырисовывается угроза, которая способна ухудшить водную безопасность в ЦА. Появление в 2002 г. значительных программ помощи Афганистану для обеспечения пищевой безопасности и сельскохозяйственного развития страны, какие бы бесспорные выгоды они не сулили и какими бы законными они не были, просто означает, что условия в бассейне Амударьи скоро ухудшатся из-за увеличивающегося отвода воды Афганистаном.

Последнее десятилетие является свидетелем краха фактически каждого рыбного района, уничтожения биологических видов, исчезновения Аральского моря как водного пространства. В результате засухи, длящейся три последних года, уровень воды в Токтогуле стал наполовину меньше нормы, что решило дилемму “вода или электричество”: теперь ее не хватает ни на то, ни на другое. Климатическая ситуация в регионе ухудшается, особенно с тех пор, как регион испытывает засуху, которую многие называют худшей за столетие, и водные запасы региона, заключенные в ледниках Тянь-Шаня и Памира, уменьшаются. В конце 2001 г. президент Узбекистана Каримов отметил, что средняя температура последнего десятилетия из-за теплых зим в течение четырех лет подряд увеличилась на 2,5°C, в то время как мировая норма – 1°C. Другими словами, “несмотря на надвигающийся природный катаклизм, лидеры государств региона не могут собрать политическую волю, нужную для диалога о водном дефиците и о развитии общей политики использования водных ресурсов в Центральной Азии”.

До сих пор решение аральского кризиса, как и всех остальных водных кризисов региона, не является первейшим приоритетом ни в одной из стран. Это показывает, как может страдать региональное единство, несмотря на небольшой прогресс во внедрении экологических законов и приверженность экологическим обязательствам. Между тем именно региональная гармония не только по водным проблемам и является конечным результатом десятилетия.

За 10 лет независимости только одна страна региона испытала крупномасштабный гражданский конфликт. Таджикская гражданская война, начавшаяся вскоре после обретения независимости и продолжавшаяся почти до 1998 г., отняла несколько десятков тысяч жизней и сделала сотни тысяч беженцами. Но это не было исключением для СНГ, где половина всех государств испытала значительные военные конфликты за период независимости

(Таджикистан, Россия, Молдавия, Азербайджан, Армения, Грузия). Только Украина и Белоруссия с четырьмя центральноазиатскими странами избежали крупных конфликтов. В этом отношении ЦА является одним из самых мирных районов бывшего Советского Союза.

Тем не менее краткосрочная региональная гармония в ЦА очень хрупкая. На более длинном отрезке времени могут возникнуть конфликты и из-за напряженности по водным ресурсам, которые могут втянуть в него не только государства региона, но и Россию, Китай, Иран, Афганистан, Азербайджан. Этот список возможных участников конфликта еще раз указывает на геополитическую важность ЦА и привлекает внимание к ее нуждам, чтобы предотвратить хотя бы водные проблемы от обострения.

И все-таки вооруженные столкновения между туркменскими и узбекскими войсками вдоль Амударьи, миграции населения из районов Аральского моря, безработные рыбные хозяйства на Каспии, возмущения местных жителей Восточного Казахстана по поводу китайского отвода воды, специальный проект Туркменистана относительно создания озера в пустыне Кара-Кум, отчаяние фермерских хозяйств в Ферганской долине – все это тревожащие факты.

Новое десятилетие, по-видимому, будет свидетелем драматического наступления пустынь на ЦА. Для четырех южных государств деградация речных бассейнов идет параллельно и обостряет ухудшающиеся социальные условия, что может привести к голоду в ближайшем будущем. Даже в сравнительно благополучном Казахстане в 2001 г. Национальный совет безопасности взял на себя полномочия по ведению водной политики государства..

На фоне этих серьезных проблем законодательство коллекционирует мрачные рекорды. Центральноазиатские страны вступили в международные конвенции только ради факта вступления в такого рода конвенции и избегают договоров, которые приведут к реформам в государственной политике или которые упоминают воду. В свою очередь международные доноры тратят свои доллары на проведение семинаров и производство отчетов в столичных городах, в то время как остальная часть стран испытывает голод, гражданские распри и наступление пустынь.

Таким образом, государственные декларации о стремлении к реформам являются лишь упражнением в риторике, которое демонстрируют сияющие отчеты всевозможных агентств по развитию, опубликованные на английском языке и претендующие на успех среди аудиторий Вашингтона, Брюсселя и Нью-Йорка.

В самом деле, агентства по развитию заявляют, что их программы поддерживают демократию и подотчетные правительства, но очень часто весь их практический эффект заключается лишь в том, чтобы сделать иностранных экспертов и политические интересы главным содержанием местных водных и

экологических проектов. По степени, с какой государства и агентства по развитию предпочитают делать лишь символические акции взамен значимых действий, становится понятным их преувеличение постсоветских экологических реформ.

Имея в виду внутренние недостатки, присущие государствам ЦА, можно сказать, что до тех пор, пока агентства по развитию и донорские государства не начнут отказываться от территории влияния и нынешней практики подотчетности, научатся различать, что является важным, а что символическим, начнут сопротивляться соблазну, что нужды постталибанского Афганистана автоматически перевешивают нужды стран ЦА, их нынешняя деятельность в регионе возможно явится рецептом для приготовления конфликтов.

1,5
печ. л.